

А. М. Кузнецов

Отражение падения редуцированных в договоре неизвестного смоленского князя

Так называемый *Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом* (Латвийский государственный исторический архив, ф. 8, сапс. А, № 16), содержащий условия торговли между Смоленском, Ригой и Готским берегом, а потому как-то связанный с договором 1229 г. и названный П. В. Голубовским [1895: 128] списком *К* (далее — *Днк-К*), не имеет даты. Т. А. Сумникова, опираясь на кандидатские диссертации лингвиста А. Д. Ботякова и историка Н. Н. Усачева, датирует документ 1223—1225 годами [Смоленские грамоты 1963: 10], большинство же историков, начиная с А. А. Куника [Русско-Ливонские акты 1868: 449—450] и кончая В. А. Кучкиным [1966: 103—106], относят договор к 30—40-м годам XIII в. Получается, что этот документ или предшествует договору 1229 года и в некоторой степени является его основой, или появляется после этого договора и отменяет часть его условий.

Мы с историком А. С. Ивановым [Ivanovs, Kuznetsov 2006: 85—90] рассматриваем *Днк-К* как гарантийное письмо (привилегию) и датируем его 1215—1223 годами, т. е. считаем, что он предваряет договор 1229 г. В качестве основания для датировки историки обычно используют упоминание в *Днк-К* предшественников неизвестного князя — двух Мстиславов: а како боудѣть не|мьчскыи гьсть смоленскѣ · а поучѣть са кто ѿ нихъ просити · в зноую землю · то како то вѣло при моемъ оци при мьстиславѣ · при романоуци · и при моемъ кратѣ при мьстиславѣ · онемѣ са прашати · а мнѣ е по доумѣ| поущати · (66—67), при этом второго Мстислава отождествляют с Мстиславом Давидовичем, однако в его договоре 1229 г. говорится о свободе передвижения немецких и готландских купцов: ѿже латинескнн · оушочеть ѿхати · и смоленска · своимъ товаромъ · в зноу сторону · про то ѿго князю · не дѣржати · ни ниному никому же сп. А 54—55. А потому остается думать, что второй Мстислав в *Днк-К* — это Мстислав Мстиславич Удалой, то-

ропецкий удельный князь, который вел активную политическую борьбу: способствовал вокняжению в 1214 г. смоленского князя Мстислава Романовича в Киеве, сидел в Новгороде (оставаясь торопецким князем), в 1214 г. отказался от новгородского стола, в 1215 г. туда вернулся, а в конце жизни сидел в Галиче (с 1219 г.). Неизвестным князем мог быть как Владимир Рюрикович (в 1215–1219 гг., вероятно, занимал смоленский стол [Алексеев 1980: 233]), так и Мстислав Давидович. Отцом же называть Мстислава Романовича его двоюродным братьям Владимиру Рюриковичу и Мстиславу Давидовичу имело смысл до его гибели на Калке в 1223 г.

В качестве самых ранних и потому основных списков договора 1229 г. рассматриваются обычно списки *Е* и *А* (ф. 673, ящ. 18, № 2; ф. 8, сар. А, № 14), представляющие две его редакции — рижскую и готландскую. Большинство историков считали, что готландская редакция является первичной, и список *А* датировали 1229 годом, но В. А. Кучкин, проанализировав некоторые расхождения в терминологии, юридических нормах и характере статей, пришел к выводу о старшинстве рижской редакции. Появление готландской редакции он отнес к концу 70-х годов XIII в. и связал с потомками Мстислава Давидовича. При этом он считает, что и список *Е* не отражает первоначальный текст рижской редакции Мстислава Давидовича, изменения внесены в 40-е годы потомками Мстислава Романовича. Сам список он относит к 50–60-м годам XIII в. [Кучкин 1966: 110–112].

Изучение оригиналов списков *А* и *Е* в Латвийском государственном историческом архиве позволило установить тождество почерков списка *А* и приписки в списке *Е*, а этот факт заставил пересмотреть существующие варианты датировок документов [Кузнецов 2005; Кузнецов 2006; Ivanovs, Kuzņecovs 2006; Кузнецов 2006б]. Сегодня мы с А. С. Ивановым считаем, что оба списка *Е* и *А* надо датировать 1229 годом: рижская редакция действительно была первичной, в Риге она была дополнена припиской, выполненной тем же писцом, который затем оформит готландский список *А*; на Готланде — тогдашнем центре международной торговли — были неудовлетворены рижской редакцией (экземпляр *Е* остался в Риге без печати), и там была составлена и утверждена новая редакция договора. Один его экземпляр хранился с тех пор на Готланде, а список *А* — в Смоленске. Гипотеза В. А. Кучкина о том, что тексты договоров можно было при перезаключении отношений дополнять и изменять, оставляя прежний формуляр, не представляется убедительной: например, в 1259–1263 гг. новгородский князь Александр Невский шлет в Ригу подтверждение мира с копией договора 1189–1199 гг., при этом новые условия включены в текст 1259–1263 гг., а не «старой правды» [ГВНП, № 28–29 1949: 55–57]. Сомнительно и то, что каж-

дый князь, согласно В. А. Кучкину, после Мстислава Давидовича подтверждал договор 1229 г. Рига вместе с другими немецкими городами стала проводить самостоятельную от Готланда политику только во второй половине XIII в. Список *A*, составленный в 1229 г., поступил в Ригу поздно — во времена Федора Ростиславича в 1284 г.; до того Рига обладала только списком *E* и его копией *D*, полученной от Глеба Ростиславича в 70-х годах.

В связи с проблемой хронологического соотношения списков интересно изучить орфографию *Днк-К*, выяснить прежде всего, как отражается падение редуцированных, и определить, к какому периоду этого сложного процесса находится ближе наша грамота. Дело в том, что анализ новгородских берестяных грамот [Зализняк 2004: 58–59] дает возможность говорить о трех периодах в отражении падения редуцированных, из которых нас особо интересует второй «промежуточный» период, охватывающий 2-ю четверть XII века — 10-е годы XIII века, когда падение редуцированных отражается в орфографии в виде неполного сохранения знаков для слабых редуцированных. С 20-х годов XIII века начинается следующий период, когда слабые редуцированные уже не отражаются на письме, знак *ь* передает мягкость согласного, а сочетания *въ* и *во* обозначают билабиальное [w]. В настоящей статье материал *Днк-К* сравнивается с показаниями списков *E* и *A* (для них полная выборка примеров дается не всегда). Хотя особенности орфографии не могут датировать документ с точностью до десятилетия, тем не менее они могут оказаться дополнительным средством уточнения датировки списка *Днк-К* и его отношения к спискам *E* и *A*.

1. Знаки на месте слабых редуцированных

1.1. В плане отражения падения слабых редуцированных примеры для позиции конца слова, в том числе и предлога, считаются непоказательными, поскольку здесь действовало орфографическое правило писать *ъ* или *ь* в зависимости от твердости—мягкости конечного согласного. В нашем документе это правило почти неукоснительно соблюдается.

При этом этимологически правильно воспроизведена глагольная форма 1-ого лица ед. числа *ѣсмь* 76, устойчивость орфографии этой формы свойственна и новгородским берестяным грамотам [Зализняк 2004: 78]. Во флексиях ТП и МП ед. числа и ДП мн. числа существительных, прилагательных и местоимений знаки *ь* и *ъ* после буквы *м* ни разу не смешиваются, т. е. в ТП и МП ед. числа — всегда *-мь*, в ДП мн. числа — всегда *-мъ*. Такое же строгое разграничение в именных фор-

мах характерно и для списка *Е*. В то же время список *А* уже дает редкие примеры замены знаков, но только в ДП мн. ч.: по к'крьменьемъ 1, по к'крьменьемъ 1, ксѣмъ темъ 10, смоляннѣмъ 48 (надо заметить, что в грамоте буквы *о*, *ѡ* не заменяются буквами *е*, *ь* и наоборот, исключая некоторые описки [Кузнецов 2006а: 77]). А. И. Соболевский [2006: 122], присовокупив к этим примерам еще: камь ѿго хочеть · тамъ д'кжетъ 67, высказал предположение: «очевидно, для писца грамоты *мь* звучало одинаково с *мѡ*», т. е. твердо. Если это так, то не понятно, как в остальных случаях на большом пространстве текста писец сумел соблюсти устаревшую норму. Интересно, что все замены здесь имеют «обратное» по сравнению с новгородскими берестяными грамотами направление *-мѡ* → *-мь*, а не *-мь* → *-мѡ*, и, возможно, являются чисто орфографическим явлением (написания под влиянием форм ед. числа при пословном списывании). В наречии камь можно подозревать смягчение конечного [м] перед следующим начальным [j]¹. Таким образом, орфография смоленских грамот отличается от новгородских, в которых написания с *-мь* на рубеже XII—XIII веков «оказываются в явном меньшинстве» [Зализняк 2004: 78]. Не следует думать, что смоленские писцы просто соблюдали книжную орфографию, скорее всего процесс отвердения [м'] в конце слова здесь проходил медленнее.

Сохранялась и мягкость [т'] в формах 3-его лица наст. времени глаголов. Обращает на себя внимание пример с заменой конечного *ь* на *и* в позиции перед начальным [j] следующего слова: ажѣ коуд'кътъ к'дц'къ нан мастѣрскн · нан которому соудьн · гн'ккѣ на которого немьунца · а късхочетн н казнн'тн 21—23. А. И. Соболевский [2006: 122] отнес его к «общерусским особенностям языка». Такая оценка могла быть естественной в эпоху, когда конечные редуцированные еще сохранялись, но в начале XIII в. подозревать здесь фонетический процесс (аккомодацию) невозможно. Там же А. И. Соболевский приводит пример новой формы инфинитива на *-ть* < *-ти* из нашего документа: а постакинтн н передъ соудью · ать къдасть н соудья · тако же н немьунцю смоляннск'к · постакнтъ н передъ княземъ ать къдасть н князь 45—47. В новгородских берестяных грамотах самые ранние и очень редкие примеры

¹ В сп. *А* отражается утрата конечных гласных: аж кѣи 7, 9, 10; Дж кѣхъмъ 11. Если же допустить, что в наречии камь конечный гласный [о] не был утрачен, то придется признать межслоговую ассимиляцию по мягкости камь ѿго = камѣ ѿго, как и в примере из *Днк-К*: нзѣт'алъ 49 вместо нзѣсталъ 49 (ср. *ребенок* > *ребенок*, *мармелад* > *мармалад*). Однако ассимиляция на границе слов сомнительна. Другие примеры в сп. *А* следует интерпретировать как буквенную аттракцию: Пре сѣи мнѣхъ 6; то ѡндѣто по к'крьменьемъ 1 [Кузнецов 2006а: 77]. В то же время почти во всех примерах с конечным *-мь*, приведенных выше, исключая смоляннѣмъ, *-мь* подключается к предшествующему мягкому слогу.

форм инфинитива на *-ть* отмечаются в записях середины — 3-ей четверти XIII в. [Зализняк 2004: 141], поэтому, в принципе, можно бы было интерпретировать наш пример как инновацию (напомню, что датировка документа остается спорной). В поддержку мнения о том, что перед нами новая форма инфинитива, можно привести и частицу-союз *ать* < *ати* в этом же примере. Однако взятые вместе формы *кѡсхочѣти* н (= *кѡсхочѣть* н) и *постѣкнѣти* н (= *постѣкнѣти* н) можно расценить или как описки писца (контексты содержат перемежающиеся формы 3-его лица и инфинитива), или как фонетико-орфографические варианты: [-т'(j)и] / [-т'и(j)и]², — оба случая на сочетание с энклитикой.

Пропуск *ь* в конце слова перед энклитикой отмечается единственным раз в словоформе: *а оуиннитѣса кама сѣада* 78, в остальных примерах подобного рода *ь* сохраняется: *оуиннитѣса* 38, *супракатѣса* 39, *коудѣтъ ли* 56—57, 58, сюда же относим и примеры: *оже нмоутѣ са кнѣти роуть* 36—37, *пучьнѣтъ са кто ѿ ннѣх проснѣти* 65, в которых энклитика находится в препозиции к своему глаголу. Можно думать, что пропуск *ь*, с точки зрения писца, был допустим, потому что мягкость передавалась знаком *а* для всей группы *тс* [т'с' > ц'] (см. ниже подобные примеры для середины слова). В целом же энклитика трактуется, судя по орфографии писца, как отдельное слово. Об этом говорит и передача форм супина: *кнѣтѣса* 35, 36, где, вероятно, смягчения и конвергенции в группе согласных не наблюдалось, и произносилась последовательность из твердого и мягкого согласного [т-с']. А вот в списке *Е* примеры с пропуском *ь* перед энклитикой отмечаются чаще: *не коудѣтъ ли* 34а, *коудѣтъ ли* 58а, *пракатѣса* 53а, *оуразнитѣса* 34—35б (супин: *кнѣтѣса* 35, 36). В то же время список *А* не дает ни одного подобного примера.

Один случай из этой серии требует дополнительного комментария: *роспатнѣтѣса* 25. Здесь написание с буквой *ѣ* следует объяснить не только тем, что энклитика трактовалась как отдельное слово, но и как отражение [w], хотя в грамоте и не встречается примеров с передачей данного звука через *оу*. Косвенно о таком произношении говорят примеры с предлогом и приставкой *въ*: они регулярно пишутся в виде *въ* в предконсонантной позиции: *кѡ рнѣтъ* 1, 2 и др., *кѡсаднѣти* 15—16, 17, *кѡсаднѣтъ* 41, *кѡзѣти* 19, 21, 34, *кѡсхочѣти* 22, *кѡсхочѣть* 54. В предвокальной позиции орфография указывает на отсутствие слабого редуцированного: *к ѡноую* 65—66 (отражается аккомодация гласного). В то же время предлог *съ* может не иметь знака для слабого редуцированного в предконсонантной позиции: *с ками* 76, *с ннми* 79, 81; *с ннми* 80; ср.: *сѣ немьци* 1, *сѣ немьчнѣми* 27, 30, 57; *сѣ смолнннннми* 59; особо: *сѣ нѣх* | *моужьми* 78—79, где местоимение содержит начальный [j], а *ѣ* выполняет разде-

² Местоимение **ъ* после падения редуцированных могло измениться в [ji] или [je].

лительную роль при слитном написании. В приставке также может отсутствовать знак ъ: **скаже**ть 41, **скада** 78, 80.

В сп. *Е* возможен пропуск ъ после *в* в приставке и предлоге: **кзати** 41а, **к томь** 23б, но в середине слова: **нзкѣрихъши** 30б; здесь же отмечается и пропуск ъ после *в* в середине слова: **пракдоу** 14а, **грнкоу** 20а, а также замена ъ на ѓ после *в*: **кхасакн** 29а.

В сп. *А* приставка *въ* передается чаще через *оу*: **кх рнгоу** 3—4; **кх ѳноу** 55; **кх мхре боб.** — **оу рнзѣ** 5; **оу роусе** 8; **оу дхкоу** 22. Приставки *въ-* и *въз-* имеют варианты: **кхзакѣмъ** 29; **кхсхочетѣ** 34; **кзати** 43 — **Ѹздоумалъ** 3; **оустоко** 10; **сүзати** 20; **оусхочеть** 54; **наоуспать** 57. В середине слова после *в* знаки ъ или ѓ отсутствуют: **ксемъ** 2; **пракдоу** 10; **грнкна** 15; **рохнати** 20б.; и только в суффиксе причастия сохраняется написание с ѓ: **ѡбнхъше** 61.

1.2. Для позиции в середине слова непоказательными оказываются примеры с пропуском ъ и ѓ в словах: **кскѣхъ** 30 (несмотря на наличие [w]); **кто** 9, 25, 47, 49, 65; **кнхъзъ** 47, **кнхъземь** 47, **кнхъзю** 60, **кнхъжа** 68, — в них пропуски допускались уже в XI веке, это была условность книжного письма [Успенский 2002: 136].

В грамоте последовательно отражается выпадение [ъ] между твердыми согласными: **дхсе** 8, **позкати** 34, 35; **посла** 8, **послоу** 69. Такие же примеры имеются в грамотах *Е* (**послалъ** 5а, **послокн** 29а, **позкати** 49а, но: **дхка** 30а, **дхкоу** 7б) и *А* (**дха** 5, 20, **послхъмь** 5, **зкати** 35). В то же время ъ пишется этимологически правильно после сонорных, а также если новое сочетание согласных не соответствует прежним законам сочетаемости звуков: **псѣмъши** 44, **сүрхъе**ть 60, 62, 63, **прнтъча** 14 (ср. такое же положение в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 2004: 61]). Здесь утрата [ъ] шла медленнее. В списке *Е* в этих случаях представлены примеры с ѓ и без него: **прнтъча** 34б, **кѣкхъше** 8б, — но: **кѣкхше** 10б, **кѣкши** 11б. В списке *А* такие же примеры уже без ѓ: **кѣкши** 78, **лхгче** 10б.

Что касается ѓ, то примеры, где он сохраняется, могут оказаться двусмысленными: является ли он знаком гласного или только мягкости предшествующего согласного? Наибольшее количество случаев сохранения на письме ѓ представляют примеры с суффиксом *-ьск-*: **гхтѣскомь** 2—3, 3, 15, 18, 25, 31, 35, 37, 40—41, 43, 48, 51—52, 53, 61, 70, 75, **гхтѣскхъмь** 57, **гхтѣскхъмиъ** 58, но: **гхтѣскомь** 72 (буквенная аттракция?); **дѣтѣскхъи** 44, 44; **роусѣскомоу** 14, 19, **роусѣскхъи** 17; **городѣского** 68; **немьчѣскхъи** 19, 64—65 **немѣчѣскомоу** 21 **немьчѣскомоу** 39; **рнжѣскхъмиъ** 56; **смолаѣнѣскомоу** 59; **смолаѣнѣскѣ** 4—5, 40, 49, 63, **смолаѣнѣскѣ** 20, **смолаѣнѣскѣ** 6, 55, 59, 65, 74, 76, **смолаѣнѣскѣ** 42, 46—47, 71, **смолаѣнѣска** 50. К ним примыкают примеры с суффиксом *-ьств-*: **послоушѣстко** 28—29, 29, 30—31 (описка: **послоушѣстко** 27—28 с полустертым м). Во всех случаях соглас-

ные, предшествующие суффиксу, написаны этимологически правильно³, и это заставляет думать, что *ь* может обозначать вокалический элемент.

В списке *E* ситуация иная, кроме этимологически правильных написаний имеется несколько случаев отражения утраты *ь*: сятъского ба; готъскѣин ба; роусьскѣимѣ 10а; кнтъбъскон 39б; рнжъскѣин 4а; коарьскоу 43а; рнмьскаго 43б; смоленскон 11а; смоленска 18б, смолень|ске 22—23а, 25а; послушьство 46а, — но: дьцьского 62а, децьскѣин 63а; полоцьскон 39б; немъцьскѣимѣ 11а⁴; колоцьскѣин 66а; смоленске 56а и др. Буква *ь* в формах типа дьцьского уже не обозначает гласный; являясь орфографической условностью, она получает функцию знака мягкости; а вот в форме смоленске мягкость *н*, если и сохранялась в группе [-н'с'к'е], то на письме не обозначена.

В списке *A* инноваций еще больше: готескомь 42; д'ятъскомю 47; полотъского 12об.; кнтъбеско|го 12—13об.; смольнескѣин 3; смольнеска 4, смольнѣска 6, оў смольнѣскѣ 15; латннескомю 7, латннескнн 37, — но: гоукѣин 5, готскѣимѣ 6; д'ятского 46; роуской 37, роускин 38; рнзкѣин 3, рнзкнн 5об., рнзкнмѣ 14об., рнзк|скннн 14—15об.; оу смольнеске 24; латнскннн 76, латнскнннн 22—23об.

Договор неизвестного князя дает без исключения только примеры с сохранением *ь* в суффиксе *-ьц-/-ьч-*: немьцн 1, 4, немьчѣмѣ 40, н'кмьчѣмѣ 49; немьчуню 5⁵, немьчуню 18, 31, 34, 55, н'кмьчуню 28, 76, немьчуню 42, 46, 59, 61, 71, 74, немьчунца 22, н'кмьчунца 29, не|мьчунца 35—36, немьчунць 23, 40, 52, 62, 63, немьчунчѣ 43, немьчунчѣмѣ 27, 30, 57, немьчунчѣмѣ 55—56; коунсѣмьчн 64; докнчѣлаѣ 77. Это все — случаи на корневой сонорный перед суффиксом. Пример с шумными в корне и суффиксе: дѣлѣжѣнта 48.

³ В *Дик-К* цоканье отражается только в лексемах: немьчунць 23, немьчунца 22, н'кмьчунца 29, немьчунчѣмѣ 27, 30, н'кмьчуню 28, 76, немьчуню 71, 74 — немьчуню 5, немьчуню 31, 34, не|мьчунца 35—36; немьцн 4, сѣ немьцн 1 — немьчунь 28, немьчѣмѣ 40; соунчѣмн 37; коунсѣмьчн 64; прн романскнцн 66. В остальных случаях *ц* и *ч* употребляются этимологически правильно: розкнннннн 9, чѣлѣкоу 10, по лнцю 12, мѣчѣмѣ 13, прнчѣла 14, на пороуцьк 16, вѣдцьк 21, вѣ проуѣ 24, задьчннцю 25—26, чнстѣин 50, кощець 50, на колоце 51, вѣсчѣуѣть 54, коньць 57, поуьчѣть 65, оуьчннннн 71—72, докнчѣлаѣ 77. Это свидетельствует или о достаточно хорошей выучке писца, или о том, что он переписывл текст с черновика без черт цоканья. Вопрос о наличии цоканья в смоленском диалекте не может быть решен только с опорой на сохранившиеся грамоты, поскольку не известно происхождение писцов, а иногда и место составления документа (ср. [Схакен 2003]).

⁴ В сл. *E* нет отражения цоканья (особенно показателен пример што 75а), следовательно [ц'] здесь из [ч'с'] после утраты [ь] в суффиксе.

⁵ Единственный случай записи с ѣ на месте этимологического слабого ь.

Список *E* уже содержит много инноваций: *коупьѣмѣ* 10а, *нстьцю* 5б, — но: *немѣн* 8а, *немѣемѣ* 13а; *немуню* 19а; *коупьемѣ* 11а, *кѹпцнхѣ* 42—43б; *кѣсцю* 7б. Сюда можно добавить и примеры: *ѡбьунн* 86а — *ѡбунн* 88а.

То же отмечается и в списке *A*: *доконѣчано* 68—69, — но: *дѣкончано* 70; *коупьемѣ* 6, *коупцн* 15об., *коупчн* 16об.; *немуню* 25; *немунцю* 26—27; *кѣсцю* 75, 76; *земледѣржн* 5об. Сюда же отнесем случаи с суффиксом компаратива: *моуцьшего* 4, — но *кошѣ* 10об., где мягкость *л* не обозначена, однако следующий мягкий [ш'] ее «поддерживает».

Иначе записываются суффиксы *-ьн-* и *-ьн'*. Примеры имеются только с корневым [л'] (менее показательный пример: *задѣлнцю* 25—26, где *ь* в конце строки), который перед твердым *н* получает знак мягкости, а в группе [л'н'] остается без *ь*: *кошьносѣ* 2, 3, 4, 69, *кошьна* 5, *кошьно* 72, *кошьного* 6, 69, — но *смоделанннѣ* 24, 61, *смоделаннна* 31, 41, 48, 53, *смоделанннѣ* 60, *смоделанннѣ* 5—6, 23, 24, 27, 27, 30, 43, 54, 55, 57, 62, *смоделанннѣ* 59, *смоделаннѣ* 1, 2, *смоделаннѣ* 27, *смоделанномѣ* 51, *смоделаннѣ* 77; *смоделнскѣ* 78, 80. Эти наиболее прозрачные примеры с пропуском *ь* и позволяют объяснить орфографический принцип писца: *ь* используется как знак мягкости преимущественно перед твердым согласным.

Вероятно, так же следует объяснить колебания в написаниях: *нзѡтѣмѣть* 47—48; *нѣ лѣзѣк* 34, 35; *моуцьмн* 79, — но: *отѡтнѣть* 10, *ѡтѡтнѣть* 10; *нѣ лѣзѣк* 32. Сюда же можно отнести: *мнѣк* 67. Но в случаях, когда выпадение *ь* вызывало образование сложных групп согласных, вокальный элемент, вероятно, сохранялся: *мѣздоу* 45; *мѣстнслакѣк* 66, 67; *поуцьнѣть* 65. Перед твердым согласным не получает знака мягкости непарный согласный: *пшмо* 51. Однако в такой позиции даже парный согласный зафиксирован без знака мягкости: *козьма* 45, ср. перед мягким: *кѣзѣмѣть* 26.

В списке *E* в суффиксах *-ьн-* и *-ьн'* пропуск *ь* уже стал регулярным явлением: *колноу* 56а, *колно* 15б, 16б, 35б, *колноу* 32б (*кошьного* 19—20а — только в конце строки); *смоделаннѣ* 6а; *кѣстоуномѣ* 13—14а; *кошнн* 13б; *нзѡтѣмѣть* 2—3а; *кожнн* 30б; *заднню* 44а; *кѣднѣ* 57а; *грнню* 20а. То же касается остальных случаев: *козьмѣть* 44а, *козьма* 63а; *ѡтноуѣть* 24а; *наунѣть* 1а; *оумрѣте* 29—30; *лѣзѣк* 34а; *дѣтмн* 40а; *что* 1а, *што* 75а; *поучѣ*⁶ 63а;

⁶ А. А. Зализняк [2004: 472], опираясь на чешскую лексему *pocta*, восстанавливает форму **počysta* 'почетный дар; род подати'. Ему следует СДРЯ [VII 2004: 409] со статьей ПОЧЬСТА. Гнездо *čis-ti / čyt-ŏ* → *čit-a-ti* → *čyt-ī-ti* (?), → *čys-t-ь / čys-ti* → *čyst-ī-ti* (> *čym-u-mi*) [ЭССЯ, 4 1977: 119, 123, 174—176] оказывается довольно сложным и запутанным во внутренних отношениях, в истории славянских языков семантика каждого из звеньев словообразовательной цепочки менялась своеобразно, соответственно менялась мотивация. В современном чешском языке *pocta* 'почесть' включается в одно гнездо с глаголом *poctít* 'почтить' [Ч-РС 1967: 376] и сущ. *čest / cti* 'честь',

пракдоу 14а; напсалн14а; любка 45б. Традиционна орфография в слове мьстнслакх 5а. Относительно формы козма заметим, что она находится в том же контексте, что и в *Днк-К*: тх ть лн д'ѣтьскхн не испракнть козма мьздоу *Днк-К*, 44—45 — а децьскхн козма поутю же не испракнть за неделю *E*, 63.

В списке *A* ситуация такая же: кхлно 63; смолнннх 7; оумьна 4—о'умннн 16об., оумннхх 20об.; скокод'кнхн 14 — скокодн 53, 7об., скокодн 5об., скокоднх женѣ 41; немнро 6; гркна 15; рокнатн 2об.; ѿднемь 31; много 20об.; кхзъмьт 51; людн 70; ншлх 13об.; Зде 14; Что 1, 6; пракдоу 10; напсалн 10, псана 13об.; хлхпстко 27. Особо: мьстнслакх 3.

1.3. В *Днк-К* редуцированное [й] отражается в написаниях через *и* и гораздо чаще через *ь*: кхкнеть 9; тхргоканнѣ 2, 3, 4 — но: оукьуть 6, 8, 68, 70 х 2; наснаѣ 72, 74; соудья 46, оу соудьѣ 44, соудьн 22, 39, соудьѣю 46, 56, соудьямх 58. Поскольку буква *ь* в таких случаях употреблялась уже в XI веке [Зализняк 2004: 34—35], то говорить определенно об утрате гласного здесь нельзя.

Сюда же, вероятно, следует отнести и загадочные формы ДП ед. ч. от *гость*: гхст'хн (= гостн) 14, 19, 21⁷. Подобная орфография флексии известна и в сп. *E*: гост'хн 286, 296, 336; там же еще: ДП роус'хн 76а, 156 (ср.: РП роусн 18а; ДП роусн 38а, 53а, 65а; МП роусн 51а, 66). Можно, конечно, предположить, что под влиянием скандированного произношения [Зализняк 2004: 35] во время внутреннего диктанта писец мог скандировать мягкий согласный даже в предвокальной позиции и «растягивать» гласный флексии, тогда перед ним возникал вопрос, как передать на письме [-ии]⁸. Но других примеров на растяжное письмо в этих до-

а корень *-čet-/čit-/čt-* выражает семантику чтения и счета: *číst / čtu* 'читать', *počet* 'число', *počítat* 'считать', *počty* 'арифметика'. Исконно ли слово *pocta* имело переживший опрощение корень **-čьst-*, а не **-čьt-?* А. А. Зализняк не указывает мотивирующего слова для *pocta*, но представляется, что им могло быть не только **po-čьst-ī-ti* (ср. *poběditi* → *poběda*), но и более раннее **po-čis-ti / po-čьt-o* (ср. **čerstī / čьrt-o* → *čьrta*, **vьrztī* → *kavьrza*), в обоих случаях использовался нулевой суффикс. Дополнительная поддержка второй версии: в сп. *E* регулярно отражается ассимиляция [ч'с' > ц'] в словах нем'к-цьскхн 37а, 50—51а, 66а, 68а, 74а, немецкхн 43а, 72а, 77а, немецкомоу 20б, 27б, 33б, кх немецкомь 5б, немецкая 35б, немецкоюу 82а, кх немецкон 14б, 30б, нем'кцьскхнх 11а; колоскхн 66а, колоскомоу 73а; а, следовательно, ожидалось бы *почьстоу* > *поцьтоу*, чего на самом деле нет. Если же восстанавливать *почьста*, то отсутствие результата в виде *ц* надо объяснить тем, что сработала связь со старым *почисти / поцьту*. Ср. примеры в [Срезневский, III 1958: 1527, 1571]: Чьти оца... *Остр. ев. Л. 18.20* — Чьсти оца... *Галиц. ев. 1144 Мр. 10.19*.

⁷ У А. И. Соболевского [Соболевский 2006: 122] дается форма *гостьи*.

⁸ Другие объяснения — *гостьи* и *роусьи* от *гостия* (ср. *соудия*), *роусия* — здесь не убедительны и даже фантастичны.

кументах нет. Трудности в интерпретации такой орфографии связаны еще и с тем, что данный вид флексии отмечается только в формах ДП и ни разу в других падежах ед. ч., ср.: до *крякн Днк-К* 12; до *кря|кн Е* 26—27а; *кєсх чєткєртн* 28а; *ѡ пога|нн* 69—70а; *кєзх кєакєє корєнн* 78а, 80а; по *сєслєнєскєн колєстн* 39б; к *тєн пакєстн* 69а. Может быть, мы имеем редкий случай диалектного отражения индоевропейской флексии ДП **-eyei* > **-ijī* для **ī*-основ, которая обычно в славянской области упрощалась за счет гаплогонии [Семереньи 1980: 187]⁹

В сп. *Е* традиционные написания через *и* преобладают: *розюкнє* 7а; *докросєрднє* 9а, 12а; *кнєть* 19а; *капнє* 7б; *ѡ сүтнн* 32б; *пєслєннє* 36б; *распєтнн* 40б; — но: *кєкєкєт* 23а; *наслєнє* 56а, 59а, 64а; *кєжнх* 31б; *лєднн* 34б.

А сп. *А* вообще не знает написаний через *ь*: *роуснє* 11, 64, 69; *сүкнєть* 12; *кнєть* 18; *кнєтьсє* 37, 38; *наслєннє* 41, 43; *ѡрсуднє* 68; *суднємн* 69, 71; *дєржєннє* 74; *капнє* 74; *лєднє* 40б.; *сє · нєкнєть* 70б.; *пєчєтнє* 150б.

Таким образом, сп. *Е* и *А* в данном случае следуют книжным нормам.

2. Знаки на месте сильных редуцированных

2.1. В *Днк-К* хорошо сохраняются исконные написания с *ь* в сочетаниях с плавными: *тєрєкєннє* 2, 3, 4, *тєрєкєтн* 2б; *дєлгє* 17—18, 20, *нє дєдєлєжєнє* 18, *дєлєжєнє* 20, 23, *дєлєжнє* 43, *дєлєжєнтє* 48; *крякн* 12. Примеров на сочетание *ь* с плавными в грамоте нет.

В сп. *Е* сочетания *ь* с последующим плавным передаются уже через *о*: *дєлгє* 37а, *дєлєжєнє* 38а, 41а, 61а; *кєкєрєзк* 67а; *сүмєлєкнєть* 1б; а сочетание предшествующего плавного с *ь* дано в традиционной записи: *кря|кн* 26—27а. Традиционная орфография господствует и в сочетаниях *ь* с плавными: *сүткєрєжнєкєтє* 1а; *сүткєрєжнєкєтн* 7а; *сүткєрєжєнє* 12а; *дєржєнтє* 2а; *дєржєлєн* 16а; *мєртєкє* 4а; *докросєрднє* 9а, 12а; до *кєрхєу* 32б; — но: *чєткєртн* 28а; *кєзкєкєрєжєть* 39а; *кєкєрєх* 34б; *пєрєстєтєн* 73а. Для последовательности «плавный + ь» имеется два варианта: *кєрнєкєть* 7б и *кєрнєкєть* 10б, где появление *и* можно объяснить фонетически или морфологически (по инфинитиву *крити* [Зализняк 1986: 174—175]).

В сп. *А*, известном тем, что буквы *ь* и *о* в нем взаимозаменяемы, находим варианты: *дєлгє* 24; *мєлєкнєть* 210б., — но: *мєлєкнєтн* 53—54; а также: *кєкєкєкє* 19. То же и для букв *ь*, *є*, *ь*: *сүткєрднєн* 5, *тєкєрдє* 9, *сүткєрєжєнє*

⁹ Возможно, такими же диалектными, восходящими к индоевропейскому состоянию являются формы РП и В=РП ед. ч. **ī*-основ муж. р. в списке *Е*: *некорєнєтн ннє* того *пөчтє* 83а; *аже роусннє нєн нємчєнє нмєть тєтє* сү скєгєго тє|кєрє 22б, в которых флексия *-ě* < **-ois* [Семереньи 1980: 187].

15об.; оумьрлѧ 3; пьркѣнѣ 25, пьркѣнѣ 42; ѿ кьрху боб., су кьрхѧ 7об., — но: тькьрднѣ 5, оутѣкрѣдѧть 2; дѣржати 10—11, дѣржати 11, оудѣржати 50, оудѣржнѣ 50, дѣржати 55, дѣржаннѣ 74; ѹтѣкрѣтн 20; пѣркѣнѣ 27; ѹелнѧ 8об.

2.2. В *Днк-К* на месте сильного *ѡ* обычно пишется *ѡ*: гѧтьскоѡмь 2—3, 3, 15, 18, 25, 31, 35, 37, 40—41, 43, 48, 51—52, 53, 61, 70, 72, 75, гѧтьскѧмь 57, гѧтьскѧмѧ 58; дѣрѣкѧмь 12; кѧзьметь 26; тѧтѧ 26, 45, 54. Инноваций отмечено немного — с заменой *ѡ* на *о*: сѧ смоланннѡмь 59; кѡзма 45; тѡтѧ 23; отѡтнѣть 10, ѡтѡтнѣть 10. При этом есть и случаи обратной замены *о* на *ѡ*: на гѧтьскѧмь 57; гѧстьн 14, 19, 21, гѧсть 17, 19, 65 (но гѡсть 79); тѧкарѧ 17, 20, 23—24, 24, 26, 54 (но тѡкарѧ 53); частица-союз тѧ 6, тѧ ть его кѡлѧ 32. Эти случаи обратной замены *о* → *ѡ* имеют, как видно, лексикализированный характер и являются особенностью данного писца.

В сп. *Е* исконный *ѡ* в сильной позиции на письме сохраняется в виде *ѡ* очень редко: сѧтьского ба; грѣкѧмь 17а; в остальных случаях на его месте находим *о*: гѡтьскѧн ба, на гѡтьскомь 10а, 15а, 23а, 26а и др.; тѡтѧ 8а; поунѡкѧ 19а; кѡзма 63а; кѡзьметь 44а, 83а; кѡтогомь 28а; токарѡмь 81а. К случаям обратной замены *о* на *ѡ* относится только один: тѧ ть ѡго кѡлѧ 49а, который, вероятно, скопирован из *Днк-К* (см. пример выше).

В сп. *А* на месте этимологического *ѡ* находим *ѡ* и чаще *о*: послѧмь 5; дѣрѣкѧмь 18—19; ѡстѧтѧкѧ 30; кѧзьметь 57; — но: гѡкѧннѣ 5, гѡтскѧмь 6, на гѡтскомь 15—16; кьрѣгомь 6; ѡзѧкомѣ 11; послѧхѡмь 31—32; токарѡмь 55; пнскоупѡмь 14об. Случаев обратной замены *о* на *ѡ* гораздо больше, так как случаи с *ѡ* в сильной позиции встречаются реже: дѧкрннѣ 7; дѧ кѣкѧ 8; кѣдомѧ 2; кѧлѧ немнрѡ 6; кѧлѧ 9; рнжаннѧмѧ 9; кѧлѧмѧ 11; такѧ платнѣтн · како 13; голѧкѡу 14; хѡлѧпѧ 15; нѧга 16; ѡнѧ ѹто 16; на гѡкѧмь 22; кннѧкѧтѧ 26; сѧрѧмѧ 43 и др.

Что касается знаков на месте сильного *ѡ* в *Днк-К*, то здесь замены *ѡ* на *е* или *ѡ* отмечаются гораздо чаще, чем замены *ѡ* на *о*: смѡлнѣскѧ 78, 80, смѡлнѣнскѣ 4—5, 40, 49, 63 — смѡлѣнскѣ 36, 55, 59, 65, 76, смѡлѣнскѣ 20, смѡлѣнскѧ 50, смѡлѣнскомѡу 59; дѧлѧжнѧ 43 — дѧлѧжѣнѧ 20, 23, дѧ дѧлѧжѣнѧ 18; немѣѡвѣскѧн 19, 64—65, немѣѡвѣскомѡу 39 — немѣѡвѣскомѡу 21, немѣѡвѣ 28; конѣцѣ 58, 60 — кощѣцѣ 50, 52; особо в окончании ТП ед. ч.: мѣѡемь 13, пожѣемь 13, немѡунѣемь 27, 30, кнѧзѣемь 47. Иногда отмечается замена *ѡ* на *и*: смѡлннѣскѣ 42, 46—47, 71. Примеров на замену *е* или *ѡ* на *ѡ* нет. На месте начального сочетания [ѡѣ] в сильной позиции встречаем *е*: поѣмѧшн 44, коунѡемьѡн 64, ср. сохранение на письме и перед слогом с гласным полного образования: нѡмѡуть 36—37, 69; нмѧтн 32. Особый случай: написание ѣмѣть 45 А. И. Соболевский рассматривал как искажение формы ѣмѣть, но В. Б. Крысько справедливо видит здесь

описку вместо нмѣть (предвосхищение буквы) в составе сложного будущего нмѣть хѣтрѣти [Соболевский 2006: 122, 582]).

В сп. *Е* на месте сильного *ѡ* почти везде встречаем *е* или *ѣ*: по кнѣтъкъскон 39б — смоленѣ|скѣи 74—75, 20б; смоленѣского 86а; смоленѣскаѣ 7б смоленѣскон 11а, 39б; смоленѣске 16а, 22—23а, 25а, 35а, 37а, 47а, 50а, 66а, 77а, 89а—16, 24б, 25б; смоленѣскѣ 28б; смоленѣска 18б х 2, 19б; грѣкѣнѣ 20а, 24а; долѣжѣнѣ 38а, 41а, 61а; немѣцѣскѣи 43а, 72а, 77а; немѣцѣцѣскѣи 50—51а, 66а, 68а, 74а; немѣцѣскомѣ 20б, 33б; немѣцѣскомѣ 27б; къ немѣцѣскомѣ 5б; немѣцѣскаѣ 35б; немѣцѣскоѣ 82а; къ немѣцѣскон 14б, 30б; кнѣзѣмѣ 21б; прѣтѣкѣнѣ 51б. Случаи обратной замены *ѣ* на *ѡ* очень редки: дѣцѣского 62а; дѣцѣского 3б. Начальное [ѣ] передается только через *и*: нмѣти 48а, 4б; нмѣтъ 51а; нмѣть 54а, 68а, 22б; помѣть 64а; прѣнмѣть 34б; нанма 38б; правда, это все случаи, где в следующем слоге не было слабого редуцированного.

Сп. *А* на месте сильного *ѡ* чаще пишется *ѡ*, чем *е* или *ѣ*: смольнѣскѣи 3; смольнѣского 59; смольнѣска 4; смольнѣска 6; оѣ смольнѣскѣ 15; смольнѣскѣ 18; оѣ смольнѣскѣ 23; оѣ смольнѣске 24; оѣ смольнѣске 63; оѣ смольнѣскѣ 69; нсмольнѣска 55; ко смольнѣскоѣ 3об.; грѣкѣнѣ 16, 17; грѣкѣнѣ 40, 42; льгѣе 1об.; кѣпѣчѣ 7об.; всеѡ коупѣе 15об.; кнѣтъкъскоѣ 12—13об.; — но: людѣмѣ 1; грѣкѣнѣ 14; оѣ смольнѣске 21; мѣемѣ 37; прѣшедѣ 49; кнѣзѣмѣ 64; съкодѣнѣ 72; в приписке к сп. *Е* (почерк приписки я отождествляю с почерком списка *А*): немѣцѣскѣи 56б — немѣцѣскѣи 53б. Однако столь же часто *ѡ* пишется и на месте исконных *е* и *ѣ*: кѣремѣнемѣ 1; кѣремѣнемѣ 1; послѣ 2; керѣмѣ 4; керѣго 5; промѣжю 6; нальзѣдѣ 10; мѣтѣти 23; желѣзда 24; пѣрѣпрѣти 33; късѣю 77—78 и др. На месте начального [ѣ] в сильной позиции здесь фиксируется *и*: къздѣмѣ 29; наѣмѣ 47.

А. А. Зализняк [2004: 66] отмечает, что в 20—90-х гг. XIII в. среди новгородских берестяных грамот очень мало тех, где буквы *ѡ* и *ѡ* не смешиваются с *е* и *о*.

2.3. Примеров на [ѣ] внутри слова в *Днк-К* нет. В списках *Е* и *А* помимо традиционных написаний отмечаются и случаи с *ѣ* на месте *и*: сп. *Е* — жѣрѣкѣи 70а, людѣи 36б, 37б, но людѣи 21об.; сп. *А* — дѣни 47, но жѣрѣкѣи 3об.

* * *

Итак, орфография *Днк-К* в плане отражения падения редуцированных оказывается более архаичной по сравнению со списками *Е* и *А* Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. и вполне вписывается в рамки 1215—1223 гг. При этом обнаруживается орфографическое влияние нашего документа на список *Е* рижской редакции: передача флексии ДП ед. ч. в **ѣ*-склонении через *-ѣи*, написания *къздѣмѣ*,

тѣ вместо чѣ. Составители списка *Е*, следовательно, держали перед собой документ с предыдущим договором. Возможно, Тумаш Михалевич и Рольф фон Кассель, трудившиеся над текстом списка *Е*, работали в Риге, где хранился *Днк-К*. Для писца этого списка не характерно цоканье. Интересно, что в копии *D* той же рижской редакции орфография списка *Е* сохраняется лишь частично: здесь также отмечается ДП ед. ч. гостѣн 616, 626, 676, но один только раз с искажением форма *роуьн*: тѣ же прѣкда коудн роуькъ къ рнзѣк 46б; исправлена частица: чѣ его колѣ 54а).

Литература

- Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 89—219.
- Кузнецов А. М. К вопросу о датировке списков *А* и *Е* Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005, № 3 (21). С. 44—46.
- Кузнецов А. М. Соотношение списков *А* и *Е* Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Кирилло-Мефодиевские чтения. I. Даугавпилсский центр русской культуры (Дом Каллистратова) / Ред. И. В. Трофимов, А. М. Кузнецов, Г. Б. Марков. Даугавпилс, 2006. С. 16—32.
- Кузнецов А. М. Исправления в списке *А* смоленского договора 1229 г. // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. VII міжнародная наукова конференція «Беларуска-руська-польська супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія». Зборнік навуковых артыкулаў. Віцебск, 2006а. С. 75—78.
- Кузнецов А. М. О датировке списков Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Daugavpils universitāte. Humanitāro zinātņu vēstnesis. 2006. N. 10. С. 58—75.
- Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3, май—июнь. С. 103—114.
- Русско-Ливонские акты / Сост. К. Напьерский. СПб., 1868.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Том VII (поклепань — прашоурь). М., 2004.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Под ред. Н. С. Чемоданова. М., 1980.
- Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Том 2. Статьи и рецензии. Москва, 2006. С. 121—132.

- Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Тт. I—III. М., 1958 [репринт. изд.].
- Схакен Й.* Цоканье в смоленских грамотах // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 321—331.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 2002.
- Ч-РС — Чешско-русский словарь / Сост. А. И. Павлович. С приложением краткого очерка грамматики чешского языка, составленного А. Г. Широковой. Изд. пятое, испр. и доп. М., 1967.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 4 (*čaběniti — *děl'a) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1977.
- Ivanovs A., Kuzņecovs A.* Senākie līgumi ar Smoļensku Latvijas Valsts vēstures arhīvā: datēšanas un atribūcijas jautājumi // Latvijas Arhīvi. 2006, 2. С. 51—118.